

*А. С. Никулина**

ПРОБЛЕМА ИСТИНЫ У А. БАДЬЮ: МЕЖДУ ИСТОРИЕЙ И ПРИРОДОЙ

Истина в философии А. Бадью — возможность редкая, рождающаяся в событии, причем конкретно-историческом. Однако анализ онтологии французского мыслителя способен показать, что вывод об «историчности», приписываемой событию и истине, основан на том факте, что понятие событийной «сингулярности» не совсем обоснованно отождествляется с понятием «историчности». При этом сама онтология А. Бадью, понятая как ситуация, оказывается радикально сингулярной, событийной — событием в ней служит операция счета-за-единицу.

Ключевые слова: истина, событие, презентация, ситуация, бытие, природа, история.

A. S. Nikulina

THE PROBLEM OF TRUTH IN WORKS OF A. BADIOU: BETWEEN HISTORY AND NATURE

Truth in the philosophy of A. Badiou is a rare possibility, born in an event, that is to say in a particular historical event. However, it is possible to show, through the analysis of ontology of the French philosopher, that the conclusion about a “historical character” of an event and truth is based on the fact that the concept of eventual “singularity” is related to the concept of “historicity” without a reliable basis. However, the ontology of A. Badiou, if we understand it as a situation, turns out to be radically singular, eventual — and the operation “count-as-one” functions as an event within the situation.

Keywords: truth, event, presentation, situation, being, nature, history.

Философский проект А. Бадью весьма необычен: дело в том, что он предлагает считать онтологией — математику, а именно аксиоматическую теорию множеств в версии Цермело-Френкеля. Такой подход вызывает нарекания у некоторых отечественных исследователей (см., к примеру, [8]). Критики, однако, упускают из виду тот факт, что философия А. Бадью не совпадает с он-

* Никулина Александра Сергеевна, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет; nikulinaalex88@yandex.ru

тологией. Концептуализация математических структур происходит в рамках метаонтологии, которая представляет собой не математическое, а собственно философское истолкование аксиом теории множеств. Тем не менее, на наш взгляд, между онтологией и метаонтологией сохраняется зазор, который не позволяет А. Бадью непротиворечиво связать их. В частности, различие между «природными» и «событийными» (историческими) множествами оказывается противоречивым, поскольку событийность является условием как для онтологии, так и для метаонтологии. Далее мы попробуем показать, почему это так.

В трактате «Бытие и событие» А. Бадью утверждает, что единица (единое) не существует. Существуют лишь множества. То, что мы называем «единым» — отнюдь не есть нечто наличное (присутствующее), оно *фактически* отсутствует, но неким образом все же «есть» в качестве *операции* — «счета-за-единицу». Подлинным же бытием, согласно Бадью, обладает не просто множество как таковое, но *неконсистентное* множество — такая множественность, которая еще не подверглась операции «счета-за-единицу» и пребывает в состоянии хаоса, точнее говоря, в состоянии чистой нерасчлененности, чистой множественности, не подчиненной никакому закону. Очевидно, что такое множество стремится к пустоте: в сущности, оно и является пустотой, ничем — вне-концептуальной пустотой, — поскольку до того, как мы произвели счет множества — сочли его некой единицей, — оно неопределимо и неопишимо. При этом пустота у Бадью — это, конечно, не чистое ничто, являющееся противоположностью бытия, напротив: это тот несводимый остаток, то «непредставимое» или «непрезентуемое», что стоит за всякой структурой и всякой презентацией. Итак: порывая с давней традицией мысли, Бадью разводит бытие с единым (полагая единицу не сущей, но лишь операцией счета) и многим (поскольку любое множество уже является определенной презентацией бытия, которая также не есть), наделяя бытие характером пустоты, которая не может быть *как таковая* выражена ни в одном дискурсе, в т. ч. в онтологическом.

Причина, по которой бытие оказывается принципиально не презентуемым, кроется в особенностях понятия *презентации* (presentation), или *представления*. В первом размышлении из «Бытия и события», говоря об исходном античном тезисе в отношении бытия, он пишет: «То, что *презентует* (представляет) себя, по своей сущности есть многое; то, *что* презентует (представляет) себя, по своей сущности есть единое» [9, р. 23]. Понятие «презентация», или «представление», в первую очередь наводит на мысль о субъекте, который обеспечивает такой представление, однако философия Бадью, по его собственному утверждению, движется в русле посткартезианской философии («Мы также являемся современниками второй эпохи в развитии доктрины Субъекта. Речь уже не идет об основывающем субъекте, центрированном и рефлексивном, который характерен для философии от Декарта до Гегеля...» [1, р. 3]). А значит, понятие «презентации» у него должно иметь характер, непосредственно не требующей введения картезианского субъекта. Этимологически слово presentation восходит к понятию «данность» «то, что имеется», понятию того, что «пред-существует». Возможно, говоря о «презентации», Бадью имеет в виду сугубо математическую данность некоего исходного положения дел, тот факт, что имеется нечто в принципе («дано то-то и то-то»). «Данность» неких

условий, как она понимается в математике, с одной стороны, принципиально оторвана от всякой «субъективности», с другой же — несет в себе некую теорию субъекта, которую можно будет вскрыть лишь тогда, когда мы более ясно очертим понятие «презентации».

Если понимать «презентацию» Бадью в этом смысле — в смысле «данности» множественного бытия, — то это понятие находит неожиданные параллели в мысли М. Хайдеггера, у которого бытие также «не есть» (поскольку если оно есть, оно ничем не отличается от сущего, а значимость «онтологической дифференции» в мышлении Хайдеггера сложно переоценить), но «имеется», или «дано»: точно так же «имеется» бытие и у Бадью, однако характер этого «имеется» у французского мыслителя, конечно, совсем иной. Понятие бытия — расплывчатое и многозначное — тем не менее, имеет один общий момент у Хайдеггера и Бадью: и тот, и другой понимают бытие как нечто внеконцептуальное, лежащее за пределами всякого дискурса: причем эта внеконцептуальность имеет принципиально иную природу, чем внеконцептуальность некоторого сущего (некой «ситуации») по отношению к понятию этого сущего. Бытие (не как понятие, а как таковое) предшествует всякому разговору о нем и необходимо «имеется» в каждом разговоре, однако очертить его в качестве «отличного» от чего-то иного невозможно: эту невозможность подчеркивают как Хайдеггер, так и Бадью.

Однако если у Хайдеггера бытие «не есть» в том смысле, что оно дает возможность быть всякому сущему, то у Бадью презентация только придает бытию некую структуру, которая, по своей сути *не существует*, но одновременно неким образом все же «присутствует». Она (эта структура) не имеет прямого отношения к бытию, она не «описывает» его, а напротив, все время ускользает от бытия. Здесь мы обнаруживаем ту существенную особенность мысли Бадью, которая позволяет нам согласиться с французским исследователем Р. Брэйссером в том, что презентация у Бадью имеет характер «анти-феномена». Дело в том, что при построении своей математической онтологии Бадью опирается на понятие бытия, которое по праву можно назвать нигилистическим: с одной стороны, нигилизм заключается в определении бытия — оно является «пустым множеством» или просто «пустотой», с другой — в том, что бытие как таковое «отсутствует» в любой презентации, и сама презентация тоже «не есть». Тем самым выходит, что бытие понимается исходя из некой заранее принятой *структуры* мысли: не бытие как таковое оказывается темой мысли; этой темой, скорее, оказывается *мысль* о бытии (а не оно само). Можно говорить о том, что бытие А. Бадью является своеобразным «эпифеноменом» дискурса. На это указывает и Р. Брэйссер: «Онтологическая презентация презентации ничего не презентует; всякая презентация консистентного изначально отмечена знаком непредставимой неконсистентной множественности» [4, с. 76].

Если отвлечься от вариаций осмысления понятия феномена, он есть «то, что являет себя» и тем самым дает непосредственный доступ к самим вещам, к миру. Это своеобразный «мост» между мыслью и бытием, впервые виртуозно осмысленный в качестве такового Э. Гуссерлем. Э. Гуссерль делает такое утверждение: очевидным является то, что постигается непосредственно, в своем бытии, что дается «как оно есть», дается в категориальном созерцании, через

усмотрение сущности того или иного феномена. «Любая очевидность есть схватывание самого сущего или так-сущего в модусе “оно само” при полной достоверности его бытия, исключаящей, таким образом, всякое сомнение» [5]. Напомним, что понятие феномена у Гуссерля, а затем и у Хайдеггера, указывает как раз в изначальности *связи* между бытием и мышлением. Так, Хайдеггер понимает *феномены* не как «только явления», но как «себя-в-себе-самом-показывание», «особый род встречи чего-то» [7, с. 31], иными словами, изначальная интуиция Хайдеггера состоит в том, что любое сущее в принципе открыто человеку как вот-бытию и статусом априорности обладает как раз *взаимосвязь* бытия и человека. Итак, феномен у Хайдеггера не есть то, что «только является», но как раз та точка исконной открытости бытия человеку, в которой дуализм явления / сущности перестает иметь всякий смысл. Что, с другой стороны, можно сказать о «презентации» у А. Бадью? Презентация артикулирует бытие — в качестве не-бытия (ведь, как мы видели, презентация *не есть*). Бытие как таковое оказывается принципиально недоступным для мысли; французский мыслитель настолько последовательно отводит от бытия возможность всякой «явленности» в мысли, что мысль в некотором роде сама занимает место бытия. Презентация, в отличие от феномена, не раскрывает то, что есть, но является результатом операции «счет-за-единицу».

Кто же или что же производит этот счет? Возможно ли, чтобы этот «квази-субъект» в конечном итоге совпадал с «субъектом истины», о котором говорит Бадью? Субъект в онтологии Бадью — не субстанционален, не выступает в качестве результата и причины, он предстает в качестве «локального статуса процедуры» (процедуры истины): «Субъект не есть результат — как не есть он и причина. Он является локальным статусом процедуры, конфигурацией, избыточной по отношению к ситуации» [9, р. 392]. Истину же Бадью строго размежевывает со знанием (знание принадлежит области «нормального») и мыслит ее исходя из понятия *события* — как того, что нарушает стабильность и нормальность Природы и бытия своим «сингулярным» характером. В «Этике» Бадью определяет истину следующим образом: «*То же* (курсив наш. — А. Н.) есть не то, что есть (т. е. бесконечная множественность различий), а то, что *происходит*. Мы уже назвали то, по отношению к чему имеет место только приход Того же: это истина. Только та или иная истина как таковая безразлична к различиям» [5]. Итак: истина *не есть*, однако является местом присутствия «того же». «То же» — это имя «безразличного к различиям», т. е. безразличного к уходящему в бесконечность различению множественного бытия. «То же», однако, не является самоидентичностью сущности: тождество *происходит*. Сбывание того же самого вопреки бесконечному саморазличению бытия — вот что называет А. Бадью истиной. Но не является ли в таком случае истиной всякая операция «счета-за-единицу»? Попробуем ответить на этот вопрос.

Очевидно, что операция «счета-за-единицу» имеет место в рамках «онтологической ситуации». Любая ситуация, согласно Бадью, является либо **природной** и «нормальной», либо **исторической** и «сингулярной». Каков же характер этой специфической ситуации — онтологической? Важно, что онтология является «презентацией презентации»: она *формально* же выражает возможные формы бытия. Помимо презентации некоего множества возможна

так же его репрезентация — однако у одной и той же ситуации могут существовать самые разные репрезентации, поскольку репрезентация производит операцию «счёта-за-единицу» по отношению не к самой ситуации, а к *состоянию* ситуации и таким образом является той или иной *структуризацией* ситуации. А. Бадью определяет репрезентацию как «модус счета или структуризации, присущий состоянию ситуации» [9, р. 521]. Значит, являясь презентацией презентации, онтология не дает ответа на вопрос «каково» бытие (такой ответ могла бы дать репрезентация презентации), но лишь демонстрирует возможную форму бытия вообще. Вспомним теперь, что историческими, или «сингулярными», ситуациями являются те ситуации, элементы которых презентированы, но не репрезентированы. Как можно видеть, в онтологической ситуации, с одной стороны, отсутствует всякая репрезентация, а с другой — имеется удвоение презентации, своеобразное «замыкание» презентации на самой себе. Отсутствие репрезентации в рамках онтологической ситуации позволяет говорить о том, что эта ситуация относится к разряду исторических, хотя эта «историчность» обладает специфическим характером: в ней презентуется не неконсистентная множественность (т. е. не бытие), но презентация как таковая. Однако мы выяснили, что презентация как таковая не имеет в себе бытия и является чистой формой. Выходит, что онтология Бадью является ситуацией, которая к бытию не имеет в буквальном смысле никакого отношения: действительно, единственный «остаток» бытия в этой онтологии стоило бы искать где-то внутри отношения презентации *per se* с бытием *per se*, однако если презентация имеет антифеноменальный характер, то она становится не местом явления бытия, но местом *разрыва* с ним.

Итак: ситуация онтологии является ситуацией сингулярной, потенциально событийной — по той причине, что сама эта ситуация никак не «репрезентирована», а значит, отвечает особенностям исторической ситуации. При этом эта ситуация презентует не бытие (как то происходит в «обычной» сингулярной ситуации), а место разрыва с бытием. Более того: всякое событие может быть нормализовано посредством некоторой репрезентации — таким образом, через репрезентацию оно оказывается вписанным в нормальную, естественную ситуацию, однако сингулярность, присутствующая в ситуации онтологии (в качестве события «счета-за-единицу»), *принципиально* не может быть репрезентирована. В этом случае онтология оказывается событийной *par excellence* — иными словами, онтологическая ситуация, призванная представить возможные формы бытия, оказывается радикальной формой события — того, что нарушает законы бытия.

Вернемся теперь к вопросу о том, можно ли считать операцию «счета-за-единицу» иным именем для «истины». Мы отвечаем утвердительно — на том основании, что, как мы выяснили, онтологическая ситуация является целиком и полностью событийной. Операция «счета-за-единицу» *не* есть, так же как *не* есть и истина, — однако и то, и другое связано с утверждением внебытийного единства, основанного на верности событию. В этом случае — если считать операцию «счета-за-единицу» истиной — в чем же состоит существо события, которое запускает «процедуру» этой истины? Обыкновенно события, о которых говорит Бадью, — события вполне конкретные и исторические. Од-

нако онтологическая ситуация «исторична» лишь условно: ее можно назвать исходно-исторической, задающей форму для всякой исторической ситуации в принципе. Если события истории, на которые указывает Бадью, фиксируются как точки выхода из «нормального» бытия (где происходит отказ от репрезентации в пользу истины) и, тем не менее, имеют под собой некоторую бытийную почву, то событие онтологической ситуации — это точка выхода из *разрыва* с бытием, т. е. из режима презентации. Но выход из точки разрыва с бытием — это одновременно и установление непосредственной связи с бытием, выход к неразрывности бытия, выход из презентации к феномену — в самом широком смысле этого слова.

Операция счета за единицу как таковая несет в себе исходную истину — «приход Того же», единства. Это единство, которое «не есть», тем не менее, оказывается местом явленности бытия — в нем бытие оказывается дано не в качестве презентации, но феноменальным образом. Хотя сам А. Бадью интерпретирует событийность достаточно узко (в качестве значимых в личной или коллективной истории событий), мы показали, что его собственная онтология выводит к несколько иному видению событийности. Ведь исходное событие (операция «счета-за-единицу») скрыто или явно присутствует не только в онтологической, но и в реальных ситуациях *всегда*, когда происходит выход за пределы данности тех или иных смыслов и попытка «поименовать» эту данность: такое именование, как ввод нового означающего, и запускает процедуру истины: «Для разворачивания относящейся к ситуации истинностной процедуры необходимо, чтобы эту ситуацию пополнило некое чистое событие. <...> Оно вносится особым именованием, запуском сверх того еще одного означающего» [2, с. 17]. При этом «исторические» события являются такими лишь в той мере, в какой опираются на исходное событие, являющееся своеобразным «феноменом» в противовес презентации — в той мере, в какой они причастны бытию непосредственно, через радикальную отрешенность от него, непричастность к его непосредственности. Если следовать онтологии Бадью, мы постоянно и ежесекундно становимся свидетелями неисчислимого множества событий истины, так что «верность» истине, о которой он говорит, в исходной своей форме оказывается верностью всякому событию обнаружения единства. Впрочем, не стоит забывать, что такое «обнаружение единства» и последующее его именование являются *априорными* по отношению к субъекту — не субъект производит операцию «счета-за-единицу», но наоборот — эта операция производит субъекта. Субъект у Бадью появляется лишь как некий «момент» истины, а сами истины «принадлежат миру, являются истинами мира, а не вбрасываются в него по произволу субъекта» [6, с. 103]. Вывод о «вездесущем» рождении истин и событий указывает на своеобразную неуловимость субъекта, на его реальное отсутствие в качестве некоего цельного оператора. Ведь не существует никакого правила, согласно которому одно событие истины «предпочтительнее» другого: поэтому человек, по А. Бадью, оказывается парадоксальным вместилищем бесконечных истинностных процедур и бесконечного множества субъектов, которые хранят верность тем или иным истинам. Человек оказывается местом встречи бесконечных субъектов, а его реальное Я (действующее в мире) — суммой действий тех субъектов,

которым по тем или иным причинам удается проявлять себя через него более активно, чем другим. Причем, если следовать «онтологике» («онтологиками» А. В. Ахутин называет различные способы мышления о бытии, строящиеся на разных принципах. Он пишет: «Понять этот “логос” — значит не просто реконструировать его, но всерьез принять это “как”, этот “логос”, эту логику истинного понимания — онтологику — в качестве общевозможной, общезначимой» [1, с. 9–10]) самого Бадью, то остается неясным, каковы же эти причины.

Истина, согласно А. Бадью, является чем-то редким и исключительным, нарушающим законообразный характер «нормальных», природных ситуаций. Однако нам удалось показать, что: 1. Исходная истина (своеобразное «основание» иных, конкретно-исторических истин) коренится в самой ситуации онтологии, появляясь благодаря событию конкретной операции — операции «счета-за-единицу». Такая истина — и соответствующее ей событие — выводит за пределы презентации (как формы мышления, выражающей разрыв с бытием и в то же время выражающей, по Бадью, «бытие как бытие»), являясь своеобразным феноменом, который выражает связь с бытием. 2. Поскольку операция «счета-за-единицу» действует не только в онтологической ситуации, но постоянно присутствует в других ситуациях, то истина и событие обнаруживаются в бесконечном многообразии в мельчайших происшествиях повседневной жизни. Такой вывод о вездесущем характере истины становится необходимым потому, что Бадью, строя онтологию на основании теории множеств, тем не менее, вводит в эту теорию весьма нематематическое различие — а именно различие между природными и историческими ситуациями, которое, являясь неонтологическим, изнутри теории множеств подрывает те смыслы, которые сам французский мыслитель вкладывает в свои понятия. Иными словами, хотя различие между нормальными и сингулярными ситуациями отвечает структуре математической онтологии, соотнесение понятия «природы» с понятием «нормальности», и, с другой стороны, понятия «истории» с понятием «сингулярности» является не совсем обоснованным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахутин А. В. Античные начала философии. — СПб: Наука, Слово о сущем, 2007. — 784 с. 2. Бадью А. Манифест философии / сост. и пер. с франц. В. Е. Лапицкого. — СПб.: Machina, 2003. — 184 с.

3. Бадью А. Этика. Очерк о сознании зла / пер. с франц. В. Е. Лапицкого. — URL: http://royallib.com/read/badyu_alen/etika_ocherk_o_soznanii_zla.html#0 (дата обращения: 20. 10. 2016).

4. Брэйссер Р. Презентация как анти-феномен в «Бытии и событии» А. Бадью / пер. с фр. А. В. Дьякова // Хора. — 2008. — № 8. — С. 63–80.

5. Гуссерль Э. Картезианские размышления / пер. с нем. В. И. Молчанова. — URL: <http://www.rulit.me/books/kartezianskie-razмышleniya-read-242497-1.html> (дата обращения: 22. 10. 2016).

6. Егорычев И. Э. Субъект и событие // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2012. — № 12 (26): в 3-х ч. — Ч. 1. — С. 99–104.

7. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. — М.: Академический проект, 2013. — 460 с.

8. Целищев В. В., Хлебалин А. В. Формальная онтология и метафизическая семантика // Вестник НГУ. Сер. Философия. — 2012. — Т. 10, вып. 4. — С. 5–13.

9. Badiou A. Being and Event. Transl. by Oliver Feltham. — New York: Continuum, 2007. — 526 p.